ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

Ф. Ф. КУЗЬМИН

К ИТОГАМ ОБСУЖДЕНИЯ КУРСА «ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

Среди ряда вопросов, связанных с задачами подготовки квалифицированных кадров языковедов, вопросы преподавания общелингвистических дисциплин в высшей школе, а из них в первую очередь курса «Введение в языкознание», привлекают особое внимание широких кругов советских лингвистов.

И это естественно. Во-первых, предмет «Введение в языкознание» преподается на первых курсах всех языковых факультетов (и даже не только языковых) в университетах, в педагогических, в учительских институтах, а также в институтах иностранных языков. Во-вторых (и это главное), «Введение в языкознание» имеет в общей системе филологического образования не только определенное методическое значение как курс вводный, пропедевтический к изучению последующих языковых дисциплин, но и значение методологическое, поскольку этот курс первый знакомит начинающих студентов с теоретическими основами марксистского языкознания.

К сожалению, дискуссия на тему о постановке и содержании курса «Введение в языкознание», проведенная на страницах нашего журнала, осветив по преимуществу некоторые частные моменты в организации и построении курса, почти не коснулась тех общих, принципиальных вопросов, какие по существу должны быть разрешены или хотя бы быть поставлены в первую очередь при рассмотрении проблемы преподавания указанной дисциплины. Известная доля вины лежит здесь, видимо, и на редакции журнала, которая открыла дискуссию, не предвослав ей достаточно четких указаний о тех направлениях, в каких это обсуждение предполагалось проводить.

В распоряжение редакции поступило более 15 статей, посвященных вопросам преподавания «Введения в языкознание» и «Общего языкознания». Авторы этих статей — научные работники, главным образом преподаватели вузов (Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Пензы, Ворошиловграда, Иркутска и Запорожья¹. Материал этих статей (большая часть из них была напечатана в очередных номерах журнала)², а также вышедшие за время дискуссии учебные пособия по «Введению в языкозна-

¹ Статьи были получены от: В. Д. Бондалетова, Д. Н. Введенского, А. А. Белецкого, Р. А. Будагова, Ю. Р. Гепнера, Н. К. Дмитриева, Л. И. Жиркова, В. Г. Краснона, А. Я. Лурье-Дерского, И. П. Мучвика, М. Н. Петерсона, А. А. Реформатского, А. И. Смирнинского и О. С. Ахмановой, Н. А. Слюсаревой и Е. И. Шейдельс, Г. В. Тропина и А. М. Финкеля и др.

² См. журнал «Вопросы языкознания»: 1952 — № 4 и 1953 — №№ 1, 3, 4 и 5.

ние³, действующие программы⁴, их новые проекты⁵, отзывы, рецензии⁶, стенограммы обсуждений (пособий⁷ и программ⁸) и другие документы⁹, — все это может послужить, однако, достаточным основанием для того, чтобы подвести первые итоги обсуждения.

Задачи, содержание и организация курса «Введение в языковедение»

1

Прежде чем определять задачи курса «Введение в языковедение», необходимо уточнить понимание самого наименования этой дисциплины и выяснить ее значение и место в учебном плане. С этой целью обратимся сначала к опыту постановки преподавания этой дисциплины в прошлом.

Впервые научный курс общего языковедения начал читаться в высшей школе в 70-х годах XIX в. Понятно, что с того времени трактовка этого курса, его задачи, объем, содержание не раз изменялись. Соответственно изменялся, как уже отмечалось в дискуссии, и преподавательский курс «Введение в языковедение».

Первоначально курс «Введение в языковедение» не был особой дисциплиной: его материал входил органической частью в предмет «Общее языковедение», читавшийся в университетах и посвященный основным проблемам науки о языке. Такой предмет (например, в лекциях Ф. Ф. Фортунатова в конце 70-х годов) распадался на 2 части, первая из которых давала общее понятие о языковедении и его методах, а также рассматривала

³ И. П. Мучник, Введение в языковедение. Контрольные работы для студентов-заочников учит. ин-тов, М., Учпедгиз, 1952; е г о ж е, Введение в языковедение. Контрольные работы и материалы к изучению курса. Пособие для заоч. отд-ний пед. и учит. ин-тов, М., Учпедгиз, 1952; А. С. Чикобава, Введение в языковедение. Учебное пособие для уч-тов и пед. ин-тов, ч. I, М., Учпедгиз: 1-е изд.—1952, 2-е изд.—1953; Л. А. Булаховский, Введение в языковедение. Учебное пособие для уч-тов и пед. ин-тов, ч. II, М., Учпедгиз, 1953; Р. А. Будагов, Очерки по языковедению, М., Изд-во АН СССР, 1953.

⁴ См. программы, выпущенные в 1950, 1951, 1952 гг. по курсу «Введение в языковедение»: 1) для филол. фак-тов уч-тов (Мин-во высш. образования СССР, Изд-во МГУ) и 2) для фак-тов русского языка и литературы пед. ин-тов (Мин-во высш. образования СССР) — авторский коллектив в составе А. С. Чикобава, В. В. Виноградова, В. Н. Ярцевой, Б. А. Серебрянникова и Н. А. Кондрашова; по тому же курсу — для учит. ин-тов (Учпедгиз, 1951) — авторы И. П. Мучник и А. А. Реформатский. По курсу «Общее языковедение» для филол. фак-тов уч-тов (Мин-во высш. образования СССР, Изд-во МГУ) — автор А. С. Чикобава; по тому же курсу для фак-тов языка и литературы пед. ин-тов (Мин-во высш. образования СССР, 1951) — составлена кафедрой русского языка Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина.

⁵ См. проект программы «Введение в языковедение», разработанный кафедрой общего языковедения МГУ.

⁶ Р. М. Уроева и Е. И. Мурашева, Вопросы фонетики в курсе «Введение в языковедение», «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1953, вып. 5, стр. 470—480; С. А. Токрев, О классификации языков в учебном пособии проф. А. С. Чикобава «Введение в языковедение», «Советская этнография», М., 1953, № 3, стр. 204—208.

⁷ Стенограмма обсуждения (4 апреля 1953 г.) книги А. С. Чикобава («Введение в языковедение», ч. I, 1952) на открытом заседании группы общего языковедения Ин-та языковедения АН СССР.

⁸ Стенограмма обсуждения (9 февраля 1953 г.) программы по курсу «Общее языковедение» (автор А. С. Чикобава, 1952) на заседании кафедры общего и сравнительно-исторического языковедения МГУ и «Замечания» (от 11 марта 1953 г.) кафедры общего языковедения ЛГУ на программы по курсам «Введение в языковедение» (авторский коллектив: А. С. Чикобава, В. В. Виноградов и др.) и «Общее языковедение» (автор А. С. Чикобава).

⁹ Например, статья Р. А. Будагова «Несколько замечаний о построении программы и курса „Общее языковедение“ в университетах», «Вестник Моск. ун-та», М., 1953, № 7 (Серия обществ. наук, вып. 3), стр. 105—114 и др.

генеалогическую классификацию языков и физиологию звуков речи. Вторая же часть посвящалась анализу основных фактов языка¹⁰. Аналогично строили позднее свои курсы и А. И. Томсон¹¹ и В. А. Богородицкий¹², распривившие только их проблематику.

Однако необходимость ознакомления начинающих филологов с элементарными основами общего языкознания, наряду со стремлением создать подготовительный для последующих занятий курс, привели к выделению особого предмета «Введение в языкознание». Дисциплина эта в качестве обязательной входила в учебный план всех отделений историко-филологических факультетов того времени. С самого начала своего возникновения и до наших дней построение курса «Введение в языкознание» носило и носит на себе отражение борьбы двух точек зрения или попыток их объединения¹³. Одна — характеризуется пониманием курса «Введение в языкознание» как предмета, который вводит именно в курс «Общее языкознание», будучи кратким, элементарным изложением тех же проблем, какие рассматривает последний на старших курсах. Другая — видит в курсе «Введение в языкознание» дисциплину, вводящую к изучению любого языка вообще. К тому же разные авторы по-разному определяли ее объем и проблематику. Одни, как, например, Поржезинский, Кудрявский¹⁴, позднее Ушаков¹⁵, излагали «Введение в языкознание», руководясь стремлением дать в нем не только пропедевтическую «специальную часть» (элементы общей фонетики, лексики, грамматики, классификацию языков и письмо), но и так называемую «общую часть» (понятие и определение языка, теории происхождения языка, «жизнь» языка, проблема языка и мышления и т. п.). Другие же авторы, как, например, Бодуэн де Куртенэ, строили свой курс иначе: так, в его лекциях¹⁶ мы не найдем «общей» части: там рассматривались проблемы фонемы, морфемы, соотношения звука и буквы, сообщалась система транскрипции и давалась лингвистическая терминология. Задачей такого курса было — разгрузить у студентов те неправильные языковые представления, какие давались учащимся в тогдашней средней школе, заменить их новыми, соответствующими современному научному уровню.

«Мы не вводим слушателей или читателей в языковедение, но, наоборот, вводим языковедение, то есть лингвистическое мышление, в головы этих слушателей или же читателей, мы его там насаждаем, мы его там разводим», — начинал Бодуэн де Куртенэ свой курс лекций¹⁷.

Преподавание языка (родного и иностранного) в советской средней школе не имеет такого разрыва с изучением научной грамматики в высшей школе, какой волновал в свое время Бодуэна де Куртенэ, но это несколько не снижает ни значения современного вузовского курса, ни ответственности

¹⁰ См. В. Поржезинский, Филипп Федорович Фортунатов, М., 1914, стр. 11.

¹¹ А. И. Томсон, «Общее языковедение», 2-е изд., Одесса, 1910.

¹² В. А. Богородицкий, Лекции по общему языковедению, 2-е изд., Казань, 1915.

¹³ См. учебники: Р. О. Шор и Н. С. Чемоданов, Введение в языковедение (М., Учпедгиз, 1945); М. Н. Петерсон, Введение в языковедение (М., изд. Бюро заоч. обучения при педфаке 2-го МГУ, 1928—1929); А. А. Реформацкий, Введение в языковедение (М., Учпедгиз, 1947); см. также упоминавшиеся выше последние (1952—1953 гг.) издания учебных пособий А. С. Чикобава и Л. А. Булаковского.

¹⁴ В. Поржезинский, Введение в языковедение, 4-е изд., М., 1916; Д. Н. Кудрявский, Введение в языкознание, 2-е изд., Юрьев, 1913.

¹⁵ Д. Н. Ушаков, Краткое введение в науку о языке, 7-е изд., М., 1925.

¹⁶ И. А. Бодуэн де Куртенэ, Введение в языковедение [курс лекций], 4-е (литограф.) изд., СПб., 1913/1914 учебн. г.

¹⁷ Там же, стр. 3.

за высокий уровень его постановки, лежащей на наших преподавателях. Можно и должно использовать богатый опыт наших предшественников в организации преподавания курса «Введение в языкознание», но, начав с определения значения этого курса и его места в учебном плане советского вуза, следует прежде всего подчеркнуть ту специфику, которая отличает данную дисциплину не только от курсов дореволюционного времени, но и от курсов, читавшихся под тем же названием до лингвистической дискуссии 1950 г.

Впервые в истории языкознания, благодаря опубликованию труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», лингвисты получили возможность строить на марксистской основе науку о языке как общественном явлении. Та «общая часть» курса «Введение в языкознание», которая так затрудняла языковедов, которую так извращали Н. Я. Марр и его последователи, дает теперь ясные и отчетливые ответы на важнейшие вопросы языкознания. Особенно понятию теперь стала методологическая беспомощность многих крупных ученых прошлого, тщетно искавших путей разрешения основных языковедческих проблем в тумане идеалистических концепций.

Благодаря марксистской методологии и само понимание курса «Введение в языкознание» стало ясным. Главным, исходным материалом при ознакомлении с наукой о языке стал родной язык, специфика внутренних законов его развития. Марксистское понимание языка как общественного явления, как одного из существенных признаков каждого народа, каждой нации, учение об устойчивости языка, о его неклассовости, о развитии в тесной связи с историей народа — вся эта новая трактовка основных положений языкознания придала курсу исключительное методологическое значение, какого никогда не имел и не мог иметь ни один из языковедческих курсов дореволюционной высшей школы.

2

Из приведенной оценки курса «Введение в языкознание» естественно вытекает и основная его задача — дать учащимся марксистское понимание языка. «Введение в языкознание» должно ознакомить студентов с языком как общественным явлением, с языком как системой, заложить основы научного понимания ими общезыковых явлений и фактов.

Очевидно, что в курсе «Введение в языкознание» должны быть две главные части: 1) общая теоретическая часть (элементы марксистской теории языка с очень краткой характеристикой предистории марксистского языкознания) и 2) специальная часть, содержание которой может быть взято из III раздела действующей программы, при условии продуманного пересмотра и сокращения этого раздела за счет имеющегося в нем излишнего материала (см. ниже).

Необходимо, однако, уточнить и конкретизировать эти общие указания. А первым условием конкретизации содержания курса является установление дифференцированного к нему подхода. Дело в том, что предмет «Введение в языкознание» в разных учебных планах должен играть далеко не одинаковую роль. В одних случаях «Введение в языкознание» является единственным лингвистическим предметом; например, на философском и историческом факультетах университетов. В других — единственным общелингвистическим; например, на факультетах русского (или иного родного) языка и литературы учительских институтов и на отделениях журналистики, а также литературоведческих отделениях филологических факультетов университетов. В-третьих, наконец, — всего лишь первым в целом ряду других последующих лингвистических дисциплин, включая

и «Общее языкознание» на старших курсах. Это — самый распространенный случай, поскольку «Введение в языкознание», вводя в изучение других лингвистических дисциплин, читается на языковедческих отделениях филологических факультетов университетов, на факультетах русского (или иного родного) языка и литературы педагогических институтов, на факультетах (или в институтах) иностранных языков.

Если «Введение в языкознание» — единственный в учебном плане лингвистический предмет, то он должен быть полностью законченным, совершенно самостоятельным курсом. В программе такого курса, в ее общей части должны быть развиты (за счет остальных) главным образом обществоведческие темы. Специальные сведения о языке должны быть очень кратки, но достаточны для того, чтобы характеризовать язык как систему.

Во втором случае, когда «Введение в языкознание» является единственным общелингвистическим предметом, этот курс должен совмещать в себе как полностью законченную «общую часть», так и развернутую профдевицескую «специальную», поскольку изучение последующих языковых дисциплин должно опираться не только на приобретенные благодаря этому курсу знания, но и на определенные [через систему практических занятий (о чем см. ниже)] навыки в анализе фонетических, лексических и грамматических фактов языка. В общей части такого курса следует особо развить те разделы, которые являются необходимыми для филологической работы в самом широком ее понимании. Само собой разумеется, что программа такого курса должна иметь отдельные варианты для университетов и для учительских институтов.

В третьем случае обе части — не только специальная, но и общая — должны быть построены с учетом программ языковых дисциплин последующих лет обучения. Здесь возможно даже некоторое сокращение «общей части», компенсированное зато усилением занятий (преимущественно практических) по темам части «специальной».

Все программы последующих языковых дисциплин должны быть пересмотрены с целью установления того, что следует оставить в курсе «Введение в языкознание» и, наоборот, что нужно перенести в программы предметов старших курсов.

Независимо от того, будет или нет на последующих курсах читаться «Общее языкознание» (или еще отдельный курс «История языкознания»), — все равно, курс «Введение в языкознание» при всех его вариантах не следует загружать историческим материалом. Сохранять исторический подход, значение которого подчеркивается классиками марксизма, необходимо во всех нужных случаях в целях развития марксистского понимания изучаемых явлений, но отнюдь не в плане изложения истории изучения тех или иных фактов и категорий.

В связи с приведенными выше соображениями и должна быть построена будущая программа курса «Введение в языкознание» в тех ее вариантах, какие были указаны выше для учебных планов различных специальностей. Что же касается действующих программ, то большая часть опубликованных в процессе обсуждения статей опиралась на ту из них, которая была принята в 1950 г. для университетов и пединститутов¹⁸. Эта программа ежегодно переиздавалась, в нее вносились отдельные поправки, но в своих основных частях она оставалась без каких-либо существенных изменений. Программа рассчитана на 68 лекционных часов.

¹⁸ Авторский коллектив. А. С. Чикобава, В. В. Виноградов, В. Н. Ярцева, Б. А. Серебряников и Н. А. Кондрашов. Отв. ред. В. В. Виноградов. Программа в своем первом издании была утверждена Мин-вом высш. образования СССР 4 сентября 1950 г.

В 1951 г. Министерством просвещения РСФСР была издана программа того же курса для учительских институтов¹⁹. В основном, программа содержит те же разделы, что и программа для университетов, кроме следующих изменений:

1. Вся программа четко разделена на теоретическую (48 лекционных часов) и практическую (28 семинарских часов) части.

2. Программа имеет иное расположение материала, образуя так называемую «рамочную конструкцию»²⁰. Иначе говоря, в начале курса производится лишь анализ общественной сущности языка (сталинское учение), а рассмотрение языка как системы, проблемы его происхождения, закономерностей исторического развития и образования национальных языков даны после раздела «Структурные элементы языковой системы».

3. Небольшая глава из вводной части университетской программы о рождении в начале XIX в. сравнительно-исторического изучения языков выделена и расширена в самостоятельный раздел (VII) под заглавием «Краткий очерк истории языкознания».

4. Дано иное по сравнению с университетским (и традиционным) порядком расположение структурных частей: сначала лексика, а потом уже фонетика и грамматика.

5. «Письмо» выделено в особый раздел (VI).

6. В «Практической части» дана программа семинарских занятий, включающих пять разделов с пятнадцатью темами.

Наконец, в 1953 г. кафедрой общего языкознания Московского университета был составлен новый проект (также по типу «рамочной конструкции») программы по «Введению в языкознание» для филологических факультетов. Проект этот еще не утвержден.

Не вдаваясь в детальный критический анализ действующих программ, остановимся лишь на некоторых общих для них недостатках, от которых следует избавиться новую программу при перестройке ее на основе указанной выше дифференциации.

Первое издание основной (университетской) программы было подготовлено и выпущено в конце 1950 г. в определенной исторической обстановке. Именно эта обстановка определяла тогда характер, построение и содержание программы. Это были дни, когда на страницах «Правды» только что прошла лингвистическая дискуссия, закончившаяся опубликованием работ И. В. Сталина, совершивших полный теоретический разгром «нового учения» о языке Н. Я. Марра и его последователей и создавших прочную базу для становления подлинно марксистского языкознания.

Понятно, что острота полемики, крах ложных концепций марризма, резкий поворот в развитии языкознания, вышедшего из тупика, созданного последователями Н. Я. Марра, на широкую дорогу творческой научной мысли, внедрение во все разделы лингвистики положений марксистско-ленинского учения, разоблачение и конкретный показ того огромного вреда, какой был нанесен в языкознании марристами научно-исследовательской и педагогической работе, тщательный пересмотр прежних работ, их критический анализ и т. д. и т. п. — все это не могло не отразиться на содержании и построении созданной тогда новой программы по курсу «Введение в языкознание».

Программа была унифицированной для всех филологических факультетов и отделений.

¹⁹ Авторы: И. П. Мучник и А. А. Реформатский, ред. Р. И. Аванесов (М., 1951).

²⁰ Термин, распространенный в германистике для обозначения определенного вида синтаксических построений и использованный для данного случая А. А. Реформатским

Теперь наступило время пересмотра, изменения, улучшения программы. Помимо уже указанной необходимости дифференциации, программу следует освободить от цитат, значительно сократить, свять и всё то, что носит теперь слишком общий декларативный характер, приблизить к реальным потребностям высшей школы. Так, совершенно справедливо указывалось и в отдельных статьях²¹, и в устных выступлениях²², что критика марровских положений не должна занимать в курсе «Введение в языкознание» (говорилось о программе и об учебнике) слишком много места.

Нет сомнения в том, что борьба с марризмом не должна быть в какой-то мере ослаблена, и ошибочно было бы думать, что теоретический разгром, которому «новое учение» о языке подверглось в 1950 г., привел уже к его полной ликвидации. Очевидно, что нашим лингвистам еще не раз придется сталкиваться не только с результатами влияния порочных идей марризма, но и с попытками протаскивания (если не в открытой, то в замаскированной форме) его антинаучных положений. Однако необходимо помнить и о другой стороне вопроса: детальная критика «учения» Н. Я. Марра и его последователей, требуя обширной цитации и подробного анализа текстов из работ как самого Н. Я. Марра, так и его «учеников», во вступительном курсе рискует превратиться в своеобразную пропаганду тех антинаучных положений, против которых она направлена.

В существующих программах и особенно в учебном пособии исключительно много места занимает классификация языков. Нет сомнения в необходимости теоретического освещения проблемы классификации и ее типов. Но нет никакой нужды загружать курс перечислением всех семей и групп языков при ознакомлении с генеалогической классификацией. Классификационные списки и схемы не должны выноситься и на экзамены; это чисто справочный материал, которому место лишь в специальном справочнике (см. ниже), а отнюдь не в учебнике и, тем более, не в лекционном курсе.

Составители новой программы и ее вариантов несомненно тщательно пересмотрят порядок построения ее разделов и глав и внесут необходимые изменения. Думается все же, что поднятые во время обсуждения вопросы «рамочной конструкции» и «первоочередности» лексики или фонетики не имеют принципиального значения. В конце концов для преподавателя высшей школы обязательна полнота проработки программного материала, а не соблюдение именно того порядка разделов и глав, какой предлагается программой²³.

3

В связи с обсуждением предмета «Введение в языкознание» был затронут вопрос об организации преподавания курса «Общее языкознание». После лингвистической дискуссии в 1950/1951 учебном году на старших курсах университетов и пединституты в качестве общелингвистического курса читались «Основы сталинского учения о языке». Этот курс для студентов, изучавших до того языкознание по программам последователей Н. Я. Марра, был крайне необходим. Его главной задачей было изложить

²¹ См. журнал «Вопросы языкознания», 1953, №№ 1 и 3.

²² См. стенограмму обсуждения книги А. С. Чикобава «Введение в языкознание» (ч. I) на расширенном заседании группы общего языкознания Ин-та языкознания АН СССР 4 апреля 1953 г.

²³ Кстати, и сам инициатор изменения традиционного порядка изложения курса А. А. Реформатский в своей программе (составленной им в соавторстве с И. П. Мучниковом) дает лексику то перед фонетикой, то после (см. стр. 4, 10 и 15 программы для учителей, изд. 1951 г.).

сталинское учение о языке и дать с подлинно марксистских позиций критику антинаучных и вредных построений «нового учения» о языке.

С осени 1953 г. на IV курсе перешли студенты, бывшие в 1950/1951 учебном году первокурсниками. Естественно, что курс «Основы сталинского учения о языке» был бы для них лишь каким-то повторением того материала, какой изучался этими студентами во «Введении в языкознание» по программе 1950 г. Необходимость замены курса «Основы сталинского учения о языке» специальным курсом «Общее языкознание» приобрела особую остроту. Преподаватель «Общего языкознания», если и должен будет касаться на старших курсах тех же тем, то только с позиций более углубленного их рассмотрения. Курс «Общее языкознание» не повторяет, а обобщает знания, полученные студентами по всем другим лингвистическим дисциплинам.

Нет сомнения, что к концу срока обучения в высшей школе студенты, специализирующиеся по лингвистике, могут изучать проблемы общего языкознания уже на базе достаточной подготовки и не только по линии языковедческого цикла, но и цикла общественно-политических дисциплин. Казалось бы, что сопоставление курсов «Введение в языкознание» и «Общее языкознание» могло бы облегчить установление задач и проблематики последней дисциплины. Если пренебрежительский курс «Введение в языкознание» дает лишь элементарные, вводные сведения по основам марксистской науки о языке, то самостоятельный («замыкающий») курс «Общее языкознание» знакомит с системой марксистского языкознания, в ее противопоставлении идеалистическим системам буржуазной науки.

Между тем, как показало проведенное обсуждение, существующая программа курса «Общее языкознание» и сама постановка этой дисциплины вызывают различные оценки и предложения. Близко к программе, хотя и не вполне совпадая с ее формулировками, дается анализ основного содержания курса «Общее языкознание» в статье А. И. Смирницкого и О. С. Ахмановой²⁴.

Авторы статьи раскрывают свое понимание курса «Общее языкознание», который должен быть, по их мнению, построен вокруг следующих трех основных проблем: 1) специфические особенности и задачи языкознания как особой науки; 2) специальные методы лингвистического исследования; 3) особенности различных сторон и единиц языка и обусловленная ими структура языкознания.

В статье содержится много правильных наблюдений и замечаний, которые, несомненно, могут и должны быть использованы составителями программы курса «Общее языкознание». Однако в статье имеется немало спорного, она не разрешает полностью поставленной проблемы, тем более, что авторы остальных статей резко расходятся между собой по вопросам объема, содержания и характера преподавания «Общего языкознания» на старших курсах.

Так, по действующему учебному плану после курса «Введение в языкознание» должны читаться курсы «История языкознания» (на III курсе) и «Общее языкознание» (на IV курсе). Содержание программы курса «История языкознания» не подвергалось специальному обсуждению. А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова считают, что во всяком случае «...этот курс должен познакомить учащихся с основными этапами развития науки о языке от античности до современности, причем особое внимание должно быть уделено XIX—XX векам»²⁵. Работники другой кафедры того же университета (МГУ) подвергают сомнению необходимость выделения истории

²⁴ А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова, О курсе «Общее языкознание», «Вопросы языкознания», М., 1953, № 4, стр. 65—78.

²⁵ А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова, указ. статья, стр. 66.

языкознания в особый курс и предлагают историю изучать одновременно и в тесной связи с общим языкознанием²⁶ или же включить ее в «Общее языкознание» в виде исторических очерков перед каждым разделом. В статье Р. А. Будагова высказывается противоположная точка зрения: «Курс общего языкознания следует читать после подробного и систематического курса „Истории языкознания“. Только в этом случае студенты будут подготовлены к тому, чтобы правильно и глубоко усвоить основные проблемы языкознания»²⁷.

А. А. Белецкий, статья которого была опубликована в нашем журнале²⁸, предлагает проводить преподавание общего языкознания на каждом курсе и выделяет следующие дисциплины: «Введение в языкознание» на I курсе, «Общая фонетика» на II курсе, спецкурс «Введение в сравнительно-историческую грамматику индоевропейских языков» на III курсе, спецкурс «История языкознания» на IV курсе и «Общее языкознание» на V курсе.

Кафедра языкознания Ленинградского университета, критикуя существующую программу, внесла предложение отказаться от обзорного изложения, заменить общий курс спецкурсами по отдельным проблемам; тематику этих спецкурсов кафедра считает возможным предоставить на выбор преподавателя. Все эти расхождения в понимании места, объема и содержания соответствующих дисциплин, являясь, видимо, следствием отсутствия надлежащего опыта в преподавании общего языкознания на старших курсах, требуют организации специальной дискуссии по курсу «Общее языкознание». Нет сомнения, что необходимо теперь же приступить к составлению учебных пособий по этому курсу. В число таких пособий должны войти серии выпусков по истории языкознания и сборник по отдельным проблемам общего языкознания. Подобные пособия могли бы послужить материалом для будущих учебников общего языкознания на старших курсах.

Практические занятия по курсу «Введение в языкознание»

Казалось бы, значение практических занятий по курсу «Введение в языкознание» неоспоримо. Вводный курс, который впервые знакомит поступивших в вуз студентов с философскими основами советского языкознания, с лингвистическими проблемами, понятиями, терминами, впервые вводит учащихся в область научного наблюдения, анализа языковых фактов, эксперимента, — такой вводный курс не может и не должен усваиваться только за счет лекционного метода. Знания, получаемые студентами по этому курсу, должны быть хорошо освоены, закреплены.

С этим как будто согласны все преподаватели, ведущие курс и живо ощущающие острую необходимость надлежащей организации практических занятий по этому курсу. Понятен поэтому и тот интерес, какой был проявлен к вопросу семинарских занятий со стороны участников обсуждения. Некоторые статьи даже целиком посвящены проблеме организации практической части курса.

Чем же объясняется, однако, что вопросы объема, содержания и методики практических занятий до сих пор являются наиболее узким местом

²⁶ Стенограмма обсуждения (19 февраля 1953 г.) программы «Общего языкознания» на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания, МГУ.

²⁷ Р. А. Будагов, Несколько замечаний о построении программы и курса «Общее языкознание» в университетах, «Вестник Моск. ун-та», М., 1953, № 7 (Серия обществ. наук, вып. 3), стр. 106.

²⁸ А. А. Белецкий, О курсах общего языкознания в государственных университетах, «Вопросы языкознания», М., 1953, № 5, стр. 70—78.

в организации преподавания интересующей нас дисциплины? Причина этого все же — фактическая недооценка практических занятий. Против этого и важности практических занятий никто не возражает. Более того, практические занятия не только считают по их значению равными теоретическому курсу, но даже отдают им предпочтение, справедливо подчеркивая ту исключительную роль, какую они могут и должны играть в деле активного освоения студентами содержания первой языковедческой дисциплины. Однако признание этой высокой значимости семинарских занятий ничем не подкрепляется, и практические занятия по курсу «Введение в языковедение» рассматриваются в планирующих органах и в самих вузах как занятия второстепенные, об уровне и качестве которых нет необходимости проявлять особую заботу.

Это отсутствие заботы и внимания к практическим занятиям проявляется в трех моментах, из которых собственно и складывается, в основном, вся организация преподавания любой дисциплины, — это вопросы преподавательских кадров, программ и специальных пособий.

Первое — преподавательский состав. Лет 40—50 назад такие, например, крупнейшие языковеды, как Л. В. Щерба, его учитель И. А. Бодуэн де Куртене, А. И. Томсон, практические занятия по университетскому курсу языковедения проводили сами, отнюдь не поручая их младшим, менее опытным работникам кафедры.

Однако бурный рост сети советских вузов и огромный контингент их учащихся нельзя и сравнить с тем малым числом университетов и ограниченным количеством студентов, какие имелись в дореволюционное время в высшей школе. В наши дни профессор или опытный доцент, читающие лекционные курсы, просто физически не в состоянии руководить еще и семинарами по этим курсам. Поэтому обычным явлением стало, что кафедра поручает проведение практических занятий ассистентам, молодым преподавателям, нередко даже аспирантам, в порядке выполнения ими педагогической практики. Тем более необходимо привлечь профессоров к непосредственному руководству работой молодых преподавателей, широко использовать методический опыт этих профессоров.

Второй вопрос — программы и методические записки. До сих пор университеты имеют только одну программу 1950 г., где была указана тематика практических занятий. Позднейшие издания программ (1951, 1952 гг.) содержат лишь одну теоретическую часть. И хотя во всех учебных планах на практические занятия отводятся определенные часы, никаких методических записок для этих занятий до сих пор не создано. К сожалению, и последние проекты перестройки программы (как, например, упоминавшийся выше проект программы курса «Введение в языковедение», составленный в 1953 г. кафедрой общего языковедения МГУ) также вносят лишь некоторые исправления и частичные изменения теоретической (лекционной) части, но ни единым словом не упоминают о содержании и методике практических занятий.

Единственная действующая программа, которая дает распределение по темам как теоретической, так и практической части, сопровождая их методическими пояснениями, — это программа для учительских институтов. Сопоставление обеих действующих программ практических занятий (университетской — 1950 года — и учительских институтов — 1951 года)²⁹, а также схемы, предложенной одним из участников дискуссии³⁰), показывает, что в основной тематике между ними нет принципиальных

²⁹ См. указанные выше издания этих программ.

³⁰ См. А. М. Финкель, О содержании и методике практических занятий по курсу «Введение в языковедение», «Вопросы языковедения», М., 1953, № 5, стр. 79—87.

различий. В каждой программе предусматривается из общей части одна и та же тема — «Понимание языка как общественной категории», из специальной части — темы из всех трех разделов: по фонетике, по лексике и по грамматике. Кроме того, каждая программа включает также и тему «Классификация языков», рассматривая ее лишь в разных планах: университетская — предлагает ознакомление на практических занятиях с морфологической и генеалогической классификацией и отдельно с языками народов Советского Союза; остальные две программы делают упор на географию распределения языков, предлагая темы «Языки мира» и «Работа над лингвистической картой». Совпадение основных разделов занятий в указанных трех схемах не случайно. Совершенно очевидно, что практические занятия должны быть теснейшим образом связаны с теоретической частью курса, освоение важнейших глав которого при любых изменениях программы должно быть закреплено в семинарах.

Не вдаваясь в детали обсуждения содержания этих разделов, ограничимся лишь отдельными к ним замечаниями. Прежде всего, нужно сказать о теме «Язык как общественное явление», включение которой в программу полностью оправдано ее исключительным методологическим значением. Историко-лингвистический комментарий труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», с самостоятельной его проработкой студентами, может и должен послужить исходным материалом для практических занятий. Чрезвычайно важно обеспечить серьезную проработку этой темы, тем более, что изучение ее активным методом значительно помогло бы усвоению первой общей части теоретического курса.

Что касается трех разделов специальной части (фонетики, лексики и грамматики), то одним из основных затруднений в их проработке является отсутствие специального пособия (о нем см. ниже). Пока же его нет, следует использовать не только упомянутое выше пособие И. П. Мучника³¹, изданное для заочников, но и материалы из таких работ прежних лет, как, например, «Задачник по языкознанию» Бодуэна де Куртене³². Эти пособия можно достать в университетских и институтских библиотеках, и они будут весьма полезны при построении заданий для студентов, например, при изучении понятий морфемы и фонемы, системы транскрибирования и пр. Практические занятия должны строиться на изучении отобранных текстов по родному языку. Необходимо лишь тщательно продумать их программу, чтобы не было параллелизма, повторения при изучении соответствующих глав курса родного языка.

Нет сомнений, что, помимо родного языка, в ряде случаев придется привлекать материал и иноязычный. Правда, подготовка по иностранному языку в средней школе оставляет еще желать много лучшего, но все же руководитель практических занятий в известной мере сможет опираться на эту подготовку, подбирая материал для составлений.

Из всех разделов в указанных выше схемах некоторое сомнение в ее целесообразности вызывает тема классификации языков. Она и в теоретическом курсе (как уже отмечалось ранее) должна иметь лишь самый общий характер, и нет никакого основания тратить время и силы на детали классификации или географии языков мира. Лучше эти сведения не давать в курсе, предоставив зато в распоряжение студента соответствующий справочник, к которому он мог бы обратиться во всех нужных случаях. Но вопросы издания справочника и других пособий следует рассмотреть особо.

³¹ И. П. Мучник, Введение в языкознание. Контрольные работы и материалы к изучению курса.

³² И. Бодуэн де Куртене, Сборник задач по «Введению в языковедение», по преимуществу применительно к русскому языку, СПб., 1912.

Вопрос о пособиях по курсу «Введение в языкознание»

1

Наибольшую пужду курс «Введение в языкознание» испытывает в учебниках. Лингвистические факультеты (за исключением вузов Армении и Грузии) до сих пор еще не имеют ни одного учебника. Выпуск первых двух частей учебного пособия по курсу «Введение в языкознание» (А. С. Чикобава и Л. А. Булаховский) пока еще не разрешил проблемы. Это первый опыт создания учебной книги после опубликования труда И. В. Сталина. Вышедшие части составлены применительно к действующей программе, согласно которой намечено издание и третьей части — «Морфология, синтаксис, стилистика» (автор — акад. В. В. Виноградов).

В задачи настоящей статьи не входит анализ положительных сторон или недостатков указанных книг³³, какие, несомненно, будут учтены при работе над созданием будущего учебника. Отметим лишь, что этот учебник должен полностью соответствовать программе, быть просто (доступно для первокурсника) изложен и иметь, наконец, общий объем не свыше 20 листов за счет разгрузки от излишнего материала.

Необходимо теперь же приступить, в интересах своевременного создания вариантов будущего учебника для национальных вузов (см. предложения в статье Н. К. Дмитриева), к подбору иллюстративного сравнительного материала на национальных языках Советского Союза.

Следует также позаботиться и о подготовке особого учебника для заочных вузов. В статье И. П. Мучника совершенно справедливо была подчеркнута специфика заочного обучения, вызывающая необходимость специального издания для заочников.

2

Многими участниками обсуждения указывалась необходимость срочного издания пособия для практических занятий. Это пособие следовало бы выпустить в двух частях. Одна часть, составленная по типу пособия «Сборник упражнений по современному русскому языку» проф. А. Н. Гвоздева, должна охватывать все темы, намеченные для семинарской проработки. В этой части нужно поместить задания как для индивидуальных, так и для коллективных занятий.

Вторая часть по существу должна быть кратким справочником студента-лингвиста. Здесь следует дать справочный материал по генеалогической классификации языков, по лингвистической географии, по классификации и артикуляции гласных и согласных, по типам звуковых изменений, сведения по системам транскрипции, образцы диалектных записей, краткий словарь терминов и т. п. Такой справочный материал сильно разгрузил бы текст учебника и одновременно дополнил бы его в качестве полезного пособия при выполнении практических заданий, а также служил бы постоянным справочником для студента-лингвиста и в последующие годы обучения.

Кстати следует отметить, что не только для студентов, но и для преподавателей был бы весьма полезен выпуск особым изданием словаря лингвистических терминов. Такой словарь помог бы разобраться во многих случаях той существующей в языкознании терминологической путаницы, которая немало вредит и педагогической, и исследовательской работе.

³³ См. рецензии на первую часть, напечатанные в нашем журнале, а также программы проведенного 27 марта — 4 апреля 1953 г. в Ин-те языкознания АН СССР обсуждения. Отзывы о второй части ко времени написания настоящей статьи в печати еще не были опубликованы.

3

Характерно, что несмотря на общепризнанную значимость курса «Введение в языкознание», на ясные для всех трудности проведения этого курса, никто из преподавателей, принимавших участие в обсуждении, не коснулся вопроса наглядных пособий. Лишь в одной статье была отмечена необходимость большего внимания к кабинетам языка и к организации экспериментальной работы по фонетике в каждом вузе.

Очевидно все же, что давние традиции преподавания гуманитарных дисциплин одним лекционным методом лишь с эпизодическим использованием в отдельных случаях мела и доски крепко сковали методическую мысль наших преподавателей-лингвистов. А между тем при наличии достижений современной техники и существующем материальном обеспечении советских вузов кафедры языка имеют полную возможность предоставить своим преподавателям все условия к оживлению и лекционной работы, и практических занятий. Одна из причин неудовлетворительности постановки практических занятий в том и состоит, что в руках преподавателей нет никаких, а не только наглядных пособий. И никто всерьез созданием этих пособий не занимается.

Почему, например, лингвисты совсем не пользуются муляжами и красочными таблицами физиологов при проработке отдела фонетики? Почему и в наших министерствах никто не дает фабрикам наглядных пособий соответствующих заказов? Вина лежит прежде всего на самих преподавателях. Мы давно могли бы иметь прекрасные пособия как для демонстраций во время лекций, так и для занятий в семинарах. А какое огромное значение имели бы наглядные пособия при изучении, например, артикуляции органов речи в процессе работы над фонетикой как родного, так и особенно иностранных языков!

Мало того, в наши дни любой вузовский кабинет мог бы приобрести патефон и пластинки, специально выпущенные для многочисленных языковых факультетов. Иноязычное произношение звуков речи, не входящих в звуковую систему родного языка, записи образцов различных диалектов (яркий показ их живого произношения), различия в типах ударений, записи речи на национальных языках Советского Союза, на славянских языках, на китайском, японском и т. д., образцы записи литературной речи и произношения лучших мастеров советской художественной сцены — разве все эти не использованные до сих пор средства по облегчению восприятий и созданию максимальной яркости для запоминания не стоят того, чтобы преподаватели-лингвисты добились их реализации? Нам представляется, что этот вопрос давно назрел и требует скорейшего разрешения.

Косность в деле создания вузовских наглядных пособий сказалась и в том, что до сих пор наши кафедры не обеспечены хотя бы альбомами по курсу «Введение в языкознание». Массовые издания учебника и учебных пособий никогда не получают тех возможностей, какие имеются у специальной печати в деле воспроизведения фотоснимков и красочных рисунков и таблиц. Например, в специальных альбомах могли бы быть даны образцы различных видов письменности: древних текстов, сравнительных таблиц алфавитов и т. п. В альбомах же могли бы быть изданы и лингвистические карты мира, языков народов СССР, снимки различных артикуляционных положений органов речи, схемы классификации языков, схемы по лексике, по грамматическому строю языков и т. п.